

ГЛАВА 5

**ОСМЫСЛЕНИЕ ДИНАМИКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ КОНТЕКСТОВ**

**5.1. НОМО CRUDELIS В ЛАБОРАТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ –
ВЛАДИМИР ЗАЗУБРИН «ЩЕПКА»**

© А. Борковска / A. Borkowska

Настоящий раздел посвящен осмыслению повести Владимира Зазубрина «Щепка» и выявлению проблематики, связанной с перцептивным восприятием революционной деятельности. Сенсорные метафоры, которыми проникнут текст, меняются в ходе перемен, проходящих в сознании протагониста повести. В данном исследовании анализируется также трансформация отношения индивида к совершаемому злу и условность черты, отделяющей палачей от их жертв.

Ключевые слова: революция, сенсорное восприятие, символика цвета, палач, жертва, В. Зазубрин, «Щепка».

Владимир Яковлевич Зазубрин (настоящая фамилия Зубцов, годы жизни 1895–1937) прошел недолгий, но насыщенный событиями жизненный путь. Его наследие, насчитывающее немного литературных произведений – несколько рассказов и очерков, повесть, пьесу и два романа – характерно для многих литераторов 20-х годов. Первоначальное восхищение идеалами революции со временем сменяется глубоким разочарованием и полным отрицанием. Первое значительное произведение Зазубрина, роман «Два мира» (1921), одобренный Горьким и Лениным, считается первым советским романом, открыл автору путь к карьере в новом, только что родившемся пространстве. Однако, согласно Владимиру Яранцеву, «жизнь Владимира Зазубрина – непрестанная смена места, фамилии, профессии. Время подгоняло его, он – время» [1].

Драматическая жизнь, завершенная трагическим финалом, началась 6 июня (25 мая) 1896 года в Пензе, хотя некоторые источники называют слободу Заворонеж на Тамбовщине. Отец Зазубрина работал железнодорожным служащим, за участие в революционных событиях 1905 года был сослан в Сызрань. Будущий писатель с детства участвовал в революционных движениях. Прожив некоторое время в Канске и проработав

в редакции газеты «Красная звезда», Зазубрин переехал в Новониколаевск (переименованный со временем в Новосибирск), где возглавил журнал «Сибирские огни» и только что основанный Союз сибирских писателей.

Еще во время службы в Канске у Зазубрина родился замысел текста «о жестоком противостоянии людей, оказавшихся вовлеченными в Гражданскую войну» [1], осуществленный в книге «Два мира». В первом издании она была снабжена подзаголовком «роман», во втором сменило определение на «очерки», однако этот текст принято считать романом. При жизни автора произведение переиздавалось 12 раз, иногда с исправлениями и сокращениями. Согласно мнению Владимира Яранцева, «„Два мира“ остались в литературе как один из ярких художественных и пропагандистских документов эпохи, встав первым в ряд с „Чапаевым“ Д. Фурманова, „Железным потоком“ А. Серафимовича, „Разгромом“ А. Фадеева, „Донскими рассказами“ М. Шолохова, „Барсуками“ Л. Леонова» [1].

После публикации романа Зазубриным заинтересовался Максим Горький. Писателей связывали дружеские отношения, и когда другие произведения нового литератора, напечатанные в «Сибирских огнях» («Общежитие», «Бледная правда»), не вызвали прежнего восторга у критиков, Горький помог ему переселиться в Москву и устроиться на работу в журнал «Колхозник». В 1934 году Зазубрин начал писать так и не оконченный роман «Горы», опубликованный в журнале «Новый мир» благодаря поддержке Горького. Произведение о коллективизации на Алтае было лишь частью замысла большого текста. Однако планы Зазубрина не сбылись. В 1937 году он был арестован и расстрелян. Хотя в середине 50-ых годов Зазубрина реабилитировали, возвращения интереса к его творчеству надо было еще подождать. На долгое время писатель исчез из литературного пространства страны, его книги изъяли из библиотек, а некоторые произведения, в том числе написанная в 1923 году и неопубликованная «Щепка», исчезли.

В свое время цензура отказала печатать текст в «Сибирских огнях», считая его идеологически вредным, а после смерти писателя долгие годы книга считалась утраченной. В перестроечное время «Щепкой» заинтересовалась литературовед из Томска Римма Колесникова и начала поиски рукописи. Многим известно было существование повести, однако лишь некоторые верили в то, что ее удастся найти. «Его [Зазубрина – А.Б.] романы „Два мира“, „Горы“ и другие произведения с реабилитацией автора уже вернулись из долгого небытия. Но о „Щепке“ – нигде

ничего, кроме отдаленных подтверждений, что она была, что ее кто-то читал, слушал или слышал о ней. Говорили, что «настырный» Зазубрин давал ее Дзержинскому, и тот сказал, что в лучшем случае ее можно опубликовать лет через пятьдесят. Римме Ивановне удалось встретиться с коллегами, друзьями, знакомыми Зазубрина, пообщаться с женой его Варварой Прокопьевной. Многие из них говорили: «Нет, рукопись этой его вещи вы не найдете. Не для того расстреляли автора, чтобы где-то оставить эту рукопись» [2]. Окончательно «Щепка» была найдена Колесниковой в отделе рукописей Государственной библиотеки им. Ленина вместе с приложенным к ней предисловием критика Валерия Правдухина.

В 1989 году произведение Зазубрина было напечатано, причем сразу в трех изданиях – в альманахе «Енисей» и в журналах «Сибирские огни» и «Наш современник». «Щепка» вызвала большой интерес читателей, значительный отклик критиков и исследователей литературы, а также легла в основу сценария фильма «Чекист», русско-французского производства. Повесть была переведена на несколько иностранных языков, в том числе на польский, а в 2008 году адаптирована для Театральной сцены польской радиостанции «Тройка».

«Щепка» – это хроника деятельности ЧК в начале 20-х годов в одном из сибирских городов. История главного героя повести – Андрея Павловича Срубова – кажется типичной для того времени. Как начальник Губчека, он является убежденным сторонником нового порядка, защищает идеалы революции, беспощадно избавляя ее от врагов. В руках Срубова практически ничем не ограниченная власть, он – хладнокровный палач, уничтожающий жизни сотней «врагов народа».

Повесть делится на 11 глав, из которых первая является самой жестокой и шокирующей. Она «начинается с душераздирающего, подробнейшего, описания расстрела» [3]. По мнению Владимира Яранцева, глава в равной степени похожа на реальность и на сон [4]. В самом объемном эпизоде книги прозаик не щадит читателя, который вынужден справиться с описанием самых жутких и кошмарных подробностей деятельности ЧК в подвале их здания. Пятерки «врагов революции» ведутся на смерть, которую выстрелом в затылок осуществляет пятеро чекистов. Тесные коридоры, запачканный кровью пол, неряшливо присыпанный известью, стены с дырками от пуль, холодный свет лампы ведут заключенных к последней остановке в их жизни. Нет у них надежды на будущее, они постепенно теряют человеческий облик: «С нар, шурша, сползали черные тени. К полу припадали со стоном» [5]

или в другом месте: «Ползком в углы, на нары, под нары. Стадо овец. Визг только кошачий» [5]. Работники ЧК не видели в них людей; примером окончательного унижения человека и сравнения с животными можно считать приказ раздеться догола, который даже Срубов считал слишком жестоким: «Ему казалось, что высшая мера насилия не в самом расстреле, а в этом раздевании. [...] Унижение предельное» [5]. После казни тела жертв окончательно лишались человеческих черт. Определялись как «туши мяса», «четыре пуда парного мяса», «жаворонок из теста».

В подобном духе один из чекистов деревенского происхождения, Соломин, объяснял свое ласковое отношение к заключенным. Он помогал им раздеваться, успокаивал – как будто вел скот на смерть в своем хозяйстве. «А че их дразнить и на них злобиться? Враг он когды не пойманный. А тутока скотина, он бессловесная. А дома, когды по крестьянству приходилось побойку делать, так завсегда с лаской. Подойдешь, погладишь, стой, Буренка, стой. Тожно она и стоит. А мне того и надо [...]» [5]. Соломин «знал твердо, что расстреливать белогвардейцев так же необходимо, как необходимо резать скот. И как не мог он злиться на корову, покорно подставляющую ему шею для ножа, так не чувствовал злобы и по отношению к приговоренным, повертывавшимся к нему открытыми затылками» [5]. Не было у него ни жалости, ни сочувствия к жертвам.

Расстреливали в основном пятеро: Ефим Соломин, Ванька Мудыня, Семен Худоногов, Наум Непомнящих, Алексей Боже. Стреляли как автоматы, с пустыми глазами, произвольно хладнокровно выполняя приказы командира. Единственный страх, который испытывали чекисты, это боязнь промаха, ранения вместо смерти. Они не стреляли, они работали. «А мы не убиваем, а казим. А казнь, дорогой мой, дело великая» [5] – убеждал священника Соломин. Стоит обратить внимание на фамилии чекистов, почти каждая из них наделена символическим значением. Фамилия Срубова образована от глагола «срубить», что приводит к ассоциации с изречением «Лес рубят – щепки летят», которое может выступать в качестве одного из возможных вариантов толкования заглавия произведения как метафоры его содержания. Согласно Владимиру Яранцеву, «нечеловеческая суть их [чекистов – А.Б.] фамилий-ярлыков и их владельцев: Соломин-высохшая трава, Мудыня-человеческий низ, Худоногов-ущерб-порок-вырождение, Алексей Боже-юродивый-маргинал (антипод житийного Алексея, человека Божьего),

Непомнящих-беспамятный, самая подходящая фамилия для подручных террора, не помнящих своего родства» [4].

Председатель Губчека о революции думает и говорит только с большой буквы. Это не бестелесная идея, а живой организм, который Срубов представляет как беременную, широкозадую русскую бабу, «в рваной, заплатанной грязной, вшивой холщовой рубашке. [...] И вот Она трясет свою рубашку, соскребает с нее и с тела вшей, червей и других паразитов – много их присосалось – в подвалы, в подвалы. И вот мы должны, и вот я должен, должен, должен их давить, давить, давить» [5]. Срубов выполняет свой долг без сомнений и ненужных вопросов. Работа напоминает заводской труд, чекисты будто на фабричной поточной линии, являются частью хорошо работающей машины (механизма). Главный герой сам себя называет «чернорабочим революции», «винтиком», «пешкой в машине», «ассенизатором». «Революция – завод механический: каждой машине, каждому винтику свое» [5]. И, чтобы сделать этот механизм более совершенным, по мнению Срубова, «в будущем «просвещенное» человеческое общество будет освобождаться от лишних или преступных членов с помощью газов, кислот, электричества, смертоносных бактерий. Тогда не будет подвалов и «кровожадных» чекистов. Господа ученые, с ученым видом, совершенно бесстрашно будут погружать живых людей в огромные колбы, реторты и с помощью всевозможных соединений, реакций, перегонки начнут обращать их в вакуум, и вазелин, в смазочное масло» [5]. Рассуждения протагониста, касающиеся будущего террора не мотивированы лишь желанием совершенствования его лаборатории, но также постепенным отвращением к крови, которое овладевает Срубовым. В какой-то момент у него появляется кровофобия. Однажды, после очередной казни, он запирается в кабинете и проверяет, не появились ли в его чистом пространстве следы подвальной действительности. Со временем у героя начинают возникать симптомы нервного напряжения, он везде видит и чувствует мясо, и даже домашние котлеты вызывают омерзение.

Поступающего психического расстройства Срубов не умеет утолить алкоголем, как это делают другие чекисты. Этот способ считается самым распространенным среди методов освобождения от негативных эмоций. Чекисты-палачи практически не испытывают угрызений совести, поэтому путь каждого из них – это деградация, утрата всего человеческого, озверение и в итоге превращение в бездушные винтики в машине. Виктор Астафьев в «Щепке» увидел не только предсказание судьбы ее автора, но также «предвидение будущей доли своего несчаст-

ного народа, приговоренного новоявленной миру властью умирать в каменных и духовных застенках во имя всеобщего мирового братства и светлого будущего, строительство которого должно было начаться с разрушения старого мира «до основания» и вылилось в неслыханное насилие, в невиданную ломку праведного человеческого пути» [6]. Главной проблемой, с которой сталкивается протагонист зазубринского текста — это несоответствие между идеалом и реальностью, которое ведет к «помешательству на крови».

«Щепка», преисполненная метафорами, причём большинство из них относится к сенсорному восприятию окружающего мира и происходящих в этом мире событий. Стоит здесь обратить внимание на созерцание революции посредством органов чувств. Зазубрин использует целый набор языковых средств с целью усиления первобытного постижения реальности. Самыми распространенными метафорами в тексте являются определения зрительного восприятия. В визуализации революционного мира доминирует, естественно, красный цвет. По мнению Олега Хасанова, изучающего символику цвета в «Щепке», «с первой страницы [...] задается цветовой ряд: бледный, переходящий в белый, черный, красный. Эти три цвета доминируют в повести, и они как цвета на революционных плакатах несут основную смысловую нагрузку» [7, С. 228]. Как основная цветовая триада, ассоциирующаяся с деятельностью человека [8, С. 101–102], она господствует в произведении, однако на его страницах появляются и другие цвета, в основном серый и желтый.

Красный цвет присутствует во время казни, в крови на телах убитых и на забрызганном полу, на стенах, на одежде, руках, лицах чекистов. В лужи незастывшей еще крови после расстрела встают очередные жертвы, кровь которых пьют обитающие в подвале крысы. Зазубрин представляет и чекистов как жаждущих крови, они «болезненно томятся, когда долго не имеют возможности расстреливать или присутствовать при расстрелах» [5]. Жажда крови, черный наряд, здание ЧК, напоминающее крепость или средневековый замок, преобладающие в повести ночные сцены при лунном свете приводят к ассоциациям с образом вампира [9, 10]. Катажина Ястжембска замечает, что о сходстве чекистов с вампирами свидетельствует повторяющееся описание их бледных лиц, пламенных глаз, а также оскаленных зубов, являющихся главным атрибутом вампира [9]: «Ванька Мудыня, Семен Худоногов, Наум Непомнящих мертвенно-бледные, устало растёгивающие полушубки с рукавами, покрасневшими от крови. Алексей Боже с белками глаз, вос-

палёнными кровавым возбуждением, с лицом, забрызганным кровью, с желтыми зубами в красном оскале губ [...]» [5].

Как органически присущий признак и символ революции красный цвет вступает в повести Зазубрина в сочетание с серым. Даже в упомянутом уже образе Революции как беременной бабы читаем: «Срубов видел Ее каждый день в лохмотьях двух цветов – красных и серых. И Срубов думал. Для воспитанных на лживом пафосе буржуазных резолюций – Она красная и в красном. Нет. Одним красным Ее не охарактеризуешь. Огонь восстаний, кровь жертв, призыв к борьбе – красный цвет. Солёный пот рабочих будней, голод, нищета, призыв к труду – серый цвет. Она красно-серая» [5]. Серый цвет – это символ будней и повседневности, с которой все труднее справляться герою. В этом контексте стоит обратить внимание на мотив паутины, которая сочетается в сознании Срубова с серым образом обыденности. «Срубов видел диво – Белый и Красный ткали серую паутину будней. Его, Срубова, будней» [5]. Путаница между своей и чужой жизнями, паутина мыслей и чувств протагониста становятся всё более заметными и усиливает ощущение внутреннего и внешнего хаоса в жизни Срубова. Он постоянно балансирует на грани отвращения и нежелания убивать и чувством необходимости и моральной обязанности перед Революцией.

Устав от красно-серой повседневности, Срубов решает сделать что-то вопреки принятой линии. Он освобождает группу заключенных и тогда единственный раз в повести появляется многоцветие. По мнению Олега Хасанова, оно «символизирует жизнь, в то время как отсутствие цвета, ахроматизм, разрушение и гибель» [7]. Семантику смерти в тексте несет черный цвет, передающий также атмосферу страха и отчужденности. Зазубрин использует черную краску в портретах чекистов, например, Ян Пепел «в черной кожаной тужурке, в черных кожаных брюках, в черном широком обруче ремня, в черных высоких начищенных сапогах, выбритый, причесанный, посмотрел на Срубова упрямыми холодными голубыми глазами» [5] или в другом месте: «Высокий, в черной коже брюк и куртки, чернобородый, черноволосый, с револьвером на боку, на красном фоне занавеса, он стал как отлитый из чугуна» [5]. Красный занавес или голубые глаза – детали, подчеркивающие монохромность образа.

Белый цвет, находящийся на противоположном полюсе по отношению к черному, в «Щепке» обозначает старый уклад, жизнь, уходящую в прошлое. Согласно Андрею Бабайцеву, «как политический символ белый цвет – это цвет мира, согласия, свободы, священности. [...] Белые,

выступившие против Советской власти, избрали этот цвет для того, чтобы подчеркнуть чистоту тех идей, за которые они борются» [11, с. 59]. Зазубрин акцентирует белизну тел убитых контрреволюционеров, несмотря на то, что они «утоплены» в красной реке крови. «Уставший Срубов видел целую красную реку. В дурманящем тумане все покраснело. Все, кроме трупов. Те белые» [5] или в другом месте: «Белые сырые туши мяса рухнули на пол» [5].

В окрашенную главным образом красно-серыми оттенками действительность «ассенизатора революции» постепенно врывается желтый цвет как символ болезни, психического заболевания, сумасшествия. После нервного срыва Срубова, когда из палача он превратился в жертву, внимание привлекает описание его внешности, крайне отличающееся от его облика в начале текста. «Срубов худой, желтый, под глазами синие дуги. Кожаный костюм надет прямо на кости. Тела, мускулов нет. Дыхание прерывистое, хриплое» [5]. Более острой кажется метафора выжатого лимона, с которой отождествляется вчерашний чекист. «Все взяла – душу, кровь и силы. И нищего, обобранного отшвырнула. Ей, ненасытной, нравятся только молодые, здоровые, полнокровные. Лимон выжатый не нужен более» [5].

Зрительный пласт зазубринского произведения основан не только на цветовой гамме. Игра света и тьмы также важна в постижении послереволюционной действительности. У чекистов сверкающие сапоги, глаза смотрят со стеклянным блеском, их мир наделен светом. Приговоренным к расстрелу остается тьма: «В коротком крючке каменной буквы, далеко от входа, мрак. В длинном хвосте – день» [5]. Единственным светлым пунктом была стенка, к которой приводили на казнь. «“Стенка” белела на границе светлого хвоста и неосвященного изгиба» [5].

Сенсорное восприятие революции в повести Владимира Зазубрина осуществляется и при помощи других органов чувств. Читая «Щепку», мы можем слушать «музыку» происходящего, чувствовать запахи. Текст, в частности, фрагменты, относящиеся к работе чекистов, насыщен звуковыми метафорами: «Подвал издыхает или кашляет», грузовик с телами убитых «[...] стальными ногами топал [...], в хрусте снежных костей, в лязге железа, в фыркающей одышке мотора, в кроваво-черном поту нефти и крови грузовик уходил за ворота» [5].

В повести встречаются характеристики, связанные с обонянием. Сцены в подвалах ЧК пропитаны запахом крови, фекалий, мочи, кишечных газов и гниющих портянок. Зазубрин с самого начала болезненно подчеркивает дегуманизацию происходящего: «Дым от табаку, от

револьверов, пар от крови и дыхания – дурнящий туман» [5]. Непрозрачность видения усиливается невыносимой вонью, от которой некуда деться: «Кровью парной, потом едим человеческим, испражнениями пышет подвал. И туман, туман, дым. [...] Желто-красный, клейкий, вонючий студень стоит под ногами. Воздух отяжелел от свинца. Трудно дышать» [5]. Запахи ошеломляют и сводят с ума, затуманивается смысл всего вокруг.

Читатель «Щепки» с начала произведения подозревает, что тщательный механизм подведет героя. Срубову так и не удастся сохранить чистоты тела и души. Постепенно появляется все больше кадров из нереального мира, галлюцинаций, свидетельств болезни отравленного ума протагониста. Председатель Губчека заблуждается, пытаясь всеми доступными человеку интеллигентского происхождения способами объяснить для себя смысл жизни и происходившего на его глазах. Однако, революции нужны не мыслители, а слепо послушные исполнители приказов: «Революция – никакой философии» [5] – говорит Срубову чекист Ян Пепел. Виктор Астафьев справедливо заметил: «Великий гуманизм, заложенный в основу [...] разрушительного учения, первыми испытали на себе те, кто были его проповедниками и садоводами. Самых преданных и яростных борцов за мировую революцию, за всеобщее равенство и братство сами же борцы и уничтожили» [6].

Протагонист под маской палача скрывает свое настоящее лицо и пытается оправдывать совершаемое зло. Согласно рассуждениям О.С. Сухих Зазубрин показал работу чекиста «как морально тяжелое и жестокое дело, которое накладывает роковой отпечаток на характер и судьбу человека, порождает его духовную драму» [12, с. 294]. Постепенно Срубовым овладевает навязчивая мысль найти смысл в убивании. Революция, которой он служил и которую видел как красивый, несмотря на грязь и вшивость, объект культа, превращается в кровожадного монстра, пожирающего все вокруг – и противников, и сторонников. Нет высшей идеи, нет ничего, кроме фабрики, перерабатывающей человеческое мясо. Первоначальное стремление Срубова к совершенствованию завода революции, «омашинивание», ведет его к сумасшествию. Постоянно ощущая условность черты, отделяющей его – палача – от жертв ЧК, в финале повести протагонист переходит в их разряд.

Список литературы

1. Яранцев В. Владимир Яковлевич Зазубрин (Зубцов) [Электронный ресурс]. – http://chitai.kraslib.ru/polzd.html?id_aut=25 (дата обращения 15.09.2017).

2. Мужчинский А. Хроника террора. Служить революции и стать ее жертвой // Городские новости, № 107(1619) [Электронный ресурс] – <http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/20070731.htm> (дата обращения 31.07.2017).
3. Румянцев В. Литературная зазубрина [Электронный ресурс] – www.hrono.ru/text/2003/rum_zazub.html (дата обращения 15.09.2017).
4. Яранцев В. Зазубрин [Электронный ресурс] – <http://magazines.russ.ru/sib/2009/7/ia15-pr.html> (дата обращения 15.09.2017).
5. Зазубрин В. Щепка [Электронный ресурс] – https://royallib.com/book/zazubrin_vladimir/shchepka.html (дата обращения 15.09.2017).
6. Астафьев В., Пророк в своем отечестве: заметки о повести В. Зазубрина «Щепка» и ее авторе // Красноярский рабочий. 1991, 23 нояб.
7. Хасанов О. Символика цвета в повести В.Я. Зазубрина «Щепка» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 1(39).
8. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 280 с.
9. Jastrzębska K. Wampiry rewolucji (Drzazga Władimira Zazubrina) // Przegląd Rusycystyczny. 2010. № 2 (130). С. 21–30.
- Waligórska-Olejniczak B. Zmysły jako dekodery rzeczywistości. Drzazga Władimira Zazubrina i malarstwo René Magritte'a // Slavica Wratislaviensia CLVIII, 2014. P. 249–258.
11. Бабайцев А.В. Политический символизм цвета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 56–62.
12. Сухих О.С. Воплощение «духа великого инквизитора» в образе чекиста в повестях «Щепка» В. Зазубрина и «Шоколад» А. Тарасова-Родионова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 294–300.

HOMO CRUDELIS IN THE LABORATORY OF THE REVOLUTION – VLADIMIR ZAZUBRIN "SLIVER"

© A. Borkowska

This article interprets the story of Vladimir Zazubrin "Sliver" and identifies the problems associated with sensory perception of revolutionary reality. The metaphors connected with senses, which are dominate in the text, change the consciousness of the protagonist of the story. This study also analyzes the transformation of the attitude of the individual to the evil being committed and the conventionality of the line separating the executioners from their victims.

Keywords: revolution, sensory perception, color symbolism, executioner, victim, V. Zazubrin, "Sliver"